

УДК 303

Мартьянов В. С.

Понятийный кризис западного мейнстрима

Категории и иерархии западного мейнстрима

Власть, легитимность и моральную убедительность имеют, прежде всего, те социальные силы и группы, которые могут навязать свои ценности и категории описания общества. В современном обществе всегда присутствует конфликт его альтернативных описаний в различных классовых перспективах. Аналогичный конфликт описаний можно увидеть и в глобальном разрезе, в центр-периферийной структуре современных наций-государств. В основе новейшего политического мейнстрима лежат такие взаимосвязанные объясняющие/легитимирующие понятия, как прогресс, либерализм, рынок, демократия, капитализм, современность и т.д. Однако попытки разных социальных субъектов осмыслить реальную онтологию этих понятий порождают многочисленные *двойные стандарты* и идеологические интерпретации с разнообразными оценочными прилагательными. В своем большинстве попытки утверждения ключевых понятий общественных наук методологически выстраиваются на использовании универсальных бинарных оппозиций, которыми оперирует человеческое мышление как таковое. Эти оппозиции позволяют создавать простые иерархии ценностей и понятий, а соответственно и стоящей за ними социальной онтологии в виде коллективных практик, институтов, политических порядков и сообществ. Соответственно понятийный контроль мейнстрима позволяет претендовать на то, чтобы обладать монополией на интерпретацию всей онтологии современных обществ с помощью закрытого словаря объясняющих друг друга ключевых понятий.

Мейнстрим критикует *отклоняющиеся общества* в рамках неизменной бинарной схемы *норма/патология*. Эта критика является необходимым идеологическим элементом легитимации *нормальных или современных* обществ. Меняются лишь ключевые бинарные оппозиции: разум/волюнтаризм, государство/рынок, демократия/тоталитаризм, варварство/цивилизация, конкуренция/монополия, свобода/рабство, друг/враг, открытое/закрытое общество (К. Поппер), естественное государство/открытый доступ (Д. Норт и др.), инклюзивные/эксклюзивные институты (Дж. Акемоглу и др.), современность/архаика, универсальное/локальное и т.д. Подобная схоластика, выстроенная на базовой оппозиции *привилегированного /ущербного или здорового /больного*, не дает научного прироста в понимании противоречий и закономерностей любого общества существующего *здесь и сейчас*. Особенно когда споры ведутся лишь о том, какой из членов умозрительной оппозиции считать *естественным, нормативным* или *привилегированным*. Более того, в конечном счете за ними стоит дихотомия победитель/проигравший, которая не имеет прямого отношения к постижению истины. Технологические задачи легитимации гегемонии конкретных политических, экономических, культурных порядков отвлекают от изучения более сложных и важных сходств, сложных вариаций и закономерностей функционирования политических порядков *всех* современных обществ. Обществ, в которых реальные практики взаимодействия политических субъектов, элит, классов, а также механизмы принятия политических решений и функционирования социальных институтов, не дают се-

© Мартьянов В. С., 2020

МАРТЬЯНОВ Виктор Сергеевич, канд. полит. наук, доцент, врио директора Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург). E-mail: martianov@yandex.ru

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00650 "Контурь посткапиталистического общества: перспективы и социальные противоречия".

резных оснований для того, чтобы разнести эти общества по принципиально различным разделам классификаций, основанных на приведенных выше бинарных схемах.

Ключевые понятия по возможности ограничиваются в свободном интеллектуальном обороте, предполагающем их неизбежную критическую рефлексию. Страны, доминирующие в глобальной экономике и военной мощи, демонстрируют аналогичное влияние и в области культурного влияния. Например, в сфере самоописания современного общества, когда *мягкая, гибкая* или *умная сила* политической теории является прямой проекцией военно-экономической силы [7]. И проблема вовсе не в истинности или релевантности политической мысли гегемонов, которые по определению не могут существовать сами по себе, вне общественного согласия. *Глобальные центры силы располагают наиболее мощными средствами продвижения своей ценностной картины мира, позволяющими сделать ее нормативной для остальных, принимать в качестве системы исходных идеологических координат.* Соответственно все альтернативные перспективы взгляда на глобальный мир или конкретное общество будут априори считаться отклонениями, патологиями и уязвимыми членами бинарных оппозиций, в которых строится любое подобное описание. В условиях укрепившегося в последние десятилетия экономикоцентризма именно экономический дискурс генерирует ключевые метафоры, превращающиеся впоследствии в научные понятия общественных наук. Системообразующим понятием доминирующего экономического дискурса является метафора рынка или, более точно, рыночное равновесие, достигаемое за счет *справедливой* и *естественной* конкурентной саморегуляции рынков спроса и предложения. Корреляция метафоры рынка с моделями дарвиновской борьбы за выживание и естественным отбором наиболее приспособленных в популяции и самих биологических популяций более чем прозрачна. В политическом поле понятие рынка напрямую переносится неолиберальным мейнстримом через специфическую, ограниченную модель элитарной электоральной демократии, в которой проводятся прямые аналогии между фирмами и партиями, гражданами и потребителями, потребительской и гражданской рациональностью и т.д. Таким образом, ключевыми объясняющими и одновременно легитимирующими понятиями в западном мейнстриме выступают рынок и демократия, вокруг которых формируется каркас вспомогательных понятий. Поэтому упадок объяснительных и легитимирующих функций мейнстрима в наибольшей степени проявляется в падении релевантности и убедительности понятий рынка и демократии в контексте рентной трансформации современных обществ.

Категориальный словарь мейнстрима выработан внутри западной культуры и общества, которые обладают чем-то вроде *естественного права* на их нормативное воплощение и признание успешности их реализации в других, незападных обществах. Предполагается, что последние должны стремиться стать похожими на общества, достигшие *конца истории* в виде *рыночных либеральных демократий*. Стоит обратить внимание на то, что незападные общества могут стать лишь *похожими* или *подобными* в виде *копий*, но не равными, для них идеал остается недостижим. И более того, в рамках центр-периферийной модели внутри самого Запада есть различные степени *западности*, равно как и внутри западных обществ есть социальные слои, которые еще не стали или уже никогда не станут вполне западными. В противном случае, это нивелирует символическую монополию Запада на словарь ключевых понятий, которые образуют объясняющий и легитимирующий центр мейнстрима. Соответственно любая рефлексия и самокритика западного мейнстрима оказывается ограничена, если вообще возможна, поскольку разрушает его легитимирующую функцию, так же как и признание за глобально полупериферией и периферией (неидеальные общества) права на ответную критику западных политических, экономических, ценностных концепций и иерархий. Поэтому познавательная перспектива, в которой одни общества представляют идеализированный образ будущего для других, априори ущербна, так как любые попытки копирования в подобной иерархической модели никогда не приближают к оригиналу.

С позиций политического реализма каждая страна всегда продвигает лишь свои национальные интересы, некоторые из них могут делать это гло-

бально, не стесняясь в военно-политических средствах. Идеологическая оболочка этого продвижения в виде риторики о демократии, рынке, свободе, *обществе открытой доступности* сопровождается противоречащими ей практиками реальной военной экспансии, вмешательства в дела других стран, двойными оценочными стандартами, избирательными санкциями, установлением правил асимметричного экономического обмена и т.д. Перечисленные выше риторики и практики являются незначительным видоизменением исторической *миссии белого человека*, несущего цивилизацию и прогресс отсталым *варварам* и на этом основании берущего на себя безусловную роль *прогрессора*.

Более того, в системе глобальных политических практик конца XX–начала XXI в. либеральные демократии не обнаруживают качественных отличий как от предшествующих гегемонов, так и от других современных обществ, подвергаемых морально-идеологической дискриминации. В них сохраняется тот же глубинный механизм властесобственности с полунанонимным и мягким диктатом крупных собственников; постоянно растущее экономическое неравенство, генерируемое свободными рынками; скрытая классовая и иная сегрегация; *стеклянные потолки* вертикальной социальной мобильности; клановость и родственное наследование депутатских, судебных, мэрских, губернаторских и даже президентских кресел. Отсюда возникают закономерные вопросы: доминировала ли эпоха *свободного рынка* и *массовой демократии* в какой-либо исторической реальности, а не в идеологических построениях гегемонов? Может ли свободный рынок работать в интересах всех участников рынка? Возможно ли реальное массовое демократическое участие граждан в принятии политических решений, которое не сводится лишь к периодическим процедурам легитимации новой конфигурации политических элит, конкурирующих за голоса избирателей и т.д.? В подобном контексте трудно не обратить внимание на то, что политологическим мейнстримом безупречной признается только конкуренция западных элит, в то время как аналогичные институты и процедуры в обществах, находящихся вне ядра капиталистической миросистемы, оцениваются как дефективные и недемократичные.

Вся новейшая экономическая и политическая история показывает, что чаще всего *свободным рынком* считалась только беспрепятственная экспансия метрополий в колонии, основанная на военном превосходстве и прямом государственном протекционизме [16]. В череде постоянных кризисов все очевидней проявляется системный кризис рыночного капитализма: растет затоваренность глобальных *свободных рынков* и ответная демографическая и экспортная экспансия колоний в бывшие метрополии; усиливаются разнообразные популистские деформации демократии, в том числе в западных обществах; усиливается значение внеэкономических факторов рыночной регуляции и перидела самих рынков; распадается социальное государство и т.д. Кредитная модель постоянно расширяющегося спроса, производства, прибыли перестает работать при достигнутых пределах спроса. Мировая банковская система, живущая кредитным процентом, становится лишним звеном в условиях долгосрочной стабилизации глобального спроса и предложения, в условиях глобальной демографической стабилизации и новой модели общества без экономического роста. В результате модель нерасширяющейся экономики перестает нуждаться в финансовых займах, так как пределы насыщения рынков минимизируют возможную прибыль на них, а любые попытки искусственно расширить рынки и спрос оборачиваются кризисом перепроизводства и лопающимися кредитными пузырями. Мотивация экономических субъектов со стратегических целей долгосрочного роста и развития предприятий смещается в сторону спекулятивной игры на повышении стоимости акций фирм, перестояющих приносить прибыль [2]. Все большее число влиятельных обществоведов скептически относится к возможности дальнейшего сохранения модели рыночного капитализма в основе будущего глобального мироустройства [3].

Радикализация и неразрешимость широкого круга политических и экономических проблем, связанных со *стагнацией доходной базы и сокращением доступных перспектив для большинства граждан*, если окончательно и не развеивает веру в универсальность и всеисильность рыночно-демократических символов веры в основе всемирного прогресса и современного западно-

го мейнстрима, то заставляют критически переоценить их реальное влияние на ресурсное воспроизводство и политическое управление современными обществами. Ситуация, которая описывается экономическим мейнстримом как *кризис*, постепенно становится новой нормой – сбалансированным рентным обществом, не испытывающим необходимости в массовом труде, кредитной модели постоянной экспансии спроса/производства и незаметном экономическом росте. Если ранее социальные проблемы и рост неравенства, генерируемые капитализмом, можно было легитимировать и сгладить за счет постоянного роста ВВП, который "поднимает все лодки", то в ситуации перехода к новой долгосрочной норме низкого прироста ВВП все важнее будут механизмы политического перераспределения *не растущих* общественных ресурсов, положенные в основу возможной альтернативной модели социального государства. Последняя в целях стабилизации социального порядка равновесных экономик может быть только эгалитарной и ориентированной на неизбирательную универсализацию минимальных стандартов достойной жизни граждан, например, в виде все более популярной концепции базового основного дохода, во многом заменяющей гарантии получения постоянной работы в *пост-трудовом* обществе. В противном случае политика обеспечения экономического подъема оборачивается искусственной кредитной накачкой рынка, фиктивным ростом ВВП, разбалансировкой отраслей экономики, усилением эксплуатации социальных и географических периферий капитализма и радикализацией неравенства, снижением уровня доходов большинства и последующей неизбежной дестабилизацией подобного политэкономического порядка. Рыночный капитализм, перестав расширяться, перерабатывает и устраняет сам себя, начиная тратить больше, чем зарабатывает, и генерируя растущий революционный импульс сопротивления за счет наиболее незащищенных социальных групп и сообществ.

Ренессанс онтологии властесобственности

Капиталистические классовые социальные стратификации и рыночные самоописания обществ становятся все менее удовлетворительными даже в либеральных демократиях Запада. Последние давно и серьезно отличаются от идеалтипической рыночной и классово-национальной модели индустриального Модерна, с которой производятся теоретические сопоставления. Капитализм и свободные рынки повсеместно перестают генерировать рост ВВП и создавать новые рабочие места, а представительная демократия теряет способность эффективно защищать интересы *людей труда*, чье политическое значение беспрестанно падает в роботизированных экономических процессах. Возможно, что капитализм де-факто никогда и не был доминирующим механизмом генерации и распределения общественных ресурсов, оставаясь на защитной периферии дистрибутивного (распределительного) рентно-сословного ядра современных обществ [14]. *Современные общества отличаются лишь толщиной этой рыночной оболочки, являющейся дополнительным механизмом привлечения ресурсов для национального государства.* И объем этой оболочки не создает качественного институционального и морального различия между российским Мордором и западным Арканаром. Роль *свободного рынка* и его политических метафор в виде соревновательной демократии, которая предстает не более чем конкуренцией группировок элит, оказались неоправданно переоценены. Западный мейнстрим дал слишком много невыполненных обещаний человечеству от имени либерализма, демократии и рынка по постоянному расширению спектра доступных возможностей и улучшению жизни большинства. Однако новейшая история показывает, что реализация разнообразных преимуществ тех или иных обществ могла успешно происходить вне и помимо рынка и демократии, завися от военного доминирования, научных технологий, асимметрично выстроенных экономических обменов и т.д.

Ключевая проблема состоит в том, что универсальным ядром всех современных обществ остается система властесобственности, чье существование не зависит от поверхностной идеологической риторики по поводу закрытости/открытости, демократии/авторитаризма, рынка/государства, патрон-клиентских иерархий/рыночной конкуренции и т.д. Все современные общества сложнее и противоречивее подобных бинарных схем, а их особенности и от-

личия вовсе не обусловлены тенденциозной абсолютизацией крайних членов этих оппозиций, зачисляющих их, например, в разряд демократических или рыночных. Поскольку в любых из рыночно-либеральных демократий не составит труда выявить внерыночные механизмы экономической регуляции, закрытые патрон-клиентские системы элитных взаимодействий и значимые системные дефекты воспроизводства демократии [10].

В подобной перспективе связка власти и собственности не является неким *проклятием* нерыночных и недемократических обществ. Различие современных обществ состоит лишь в преимущественном значении одного из ее компонентов. Если в *естественном государстве* скорее богатство производно от власти и статуса, то в условиях капитализма как *монетарного социального порядка* чаще политическая власть контролируется крупными собственниками и регуляторами финансовых потоков. Вовлеченность широких масс граждан в рыночный оборот не создает искомого *порядка открытого доступа*, являясь лишь обменом симуляции массового участия во власти на доступ к ресурсам (система политических рент) посредством механизмов социального государства. В такой перспективе убедительность институциональных преимуществ большинства либеральных демократий ничуть не выше, чем советские идеологические построения на тему народного государства, общенародной собственности, бесклассового общества и преимуществ новой общественной формации социализма (коммунизма) в период существования СССР. Оба варианта представляют вполне сопоставимые варианты инкорпорации населения в текущий политический порядок, основанные на базовом консенсусе относительно ценностей, механизмов и институтов, обеспечивающих фундаментальные права и материальное благополучие большинства. Общественное согласие может осуществляться как через гарантии гражданам собственности и ренты, так и через доступ к власти, связанный для большинства с их военным и трудовым значением. И в том, и в другом случае политическое участие большинства является символическим, а доступный ресурс не позволяет влиять на публичную сферу и принятие политических решений, что является атрибутивным признаком демократии.

Большинство граждан в системе современных либеральных демократий, функционирующих в режиме монетарного социального порядка (рынка), стремительно утрачивает политическое влияние. Широкие слои населения все менее востребованы рынком в ситуации технологического замещения человека во всех производственных цепочках, теряя значимость в качестве людей труда и воинов, в то время как политического влияния через собственность и деньги они никогда не имели. Это все чаще лишает их возможности привычного доступа к политическим рентам, распределяемым социальным государством, а объемы этих рент лишь сокращаются. Бенефициары политического порядка вынуждены обеспечивать ренту все большему количеству *лишних людей* в обмен на сам факт гражданства, чтобы не провоцировать рост политически опасных классов. Одновременно рынок теряет способность расширять доступное ресурсное пространство для населения, то есть создавать новые рабочие места, генерировать прибыль и обеспечивать постоянный рост ВВП. Усиливаются регулятивные функции национального государства как ключевого механизма стратификации и распределения ресурсов нового рентного общества.

Кризис *нерасширяющихся* рынков и *усиление* государства, контролирующего и распределяющего в современных обществах до 40–50% и более расходов ВВП, обуславливает неизбежное сокращение и передел массовых политических рент граждан, которые отражаются в феномене популизма [13]. Это партии и движения ведущие поиск новых политических оснований, возможностей и ограничений для рентного доступа в отношении разных социальных групп, вызывающих их последующую поляризацию на основании подтверждения новых или ограничения привычных рентных прав. Наблюдается рост влияния популистских партий и движений, обещающих сохранение рентных механизмов доступа к разнообразным благам и последовательное исключение из этих механизмов все большего количества лишних или недостойных социальных групп (неграждане, мигранты, беженцы, безработные и т.д.). Подобная разделяющая риторика интенсивно охватывает не только отдельные классы и группы, но и целые общества как в случае британского

Брекзита, одной из главных целей которого являлось именно ограничение миграции.

Конфликт между собственниками средств производства и наемными рабочими постепенно вытесняется новой конфигурацией социальных сил. Классам, обладающим стабильной работой, собственностью, политическими рентами, начинают противостоять социальные группы, которые лишены полноценной занятости на рынке труда, не обладают политическими правами и ограничены в правах на рентный доступ в качестве граждан в обновленной версии социальной политики, сокращающей объем социального государства.

Как отмечает В. М. Ефимов, "понятия "рынок" и "демократия" хорошо служат до сих пор целям легитимации монетарного социального порядка. Многих удалось убедить, что рынок чудотворным образом работает в интересах всех членов общества. "Рынок", на самом деле будучи метафорой, означает не что иное, как взаимодействие людей между собой с использованием в качестве инструмента такого взаимодействия денег, этих свидетелей долга сообщества, в котором они циркулируют, обладателям денег... В то же время правила взаимодействия с помощью этого инструмента неизбежно ведут к усилению неравенства и относительному обнищанию основной массы населения. Что касается "демократии", то даже при всеобщем избирательном праве существующая система дает власть богатым, оставляя бесправными всех тех, у кого нет большого количества денег" [5, с. 23]. К аналогичным выводам приходит Т. Пикетти, обобщивший историческую статистику изменения экономических доходов населения сквозь призму децильных доходных групп. Цифры убедительно подтверждают связь расширения рынка с усилением доходного неравенства, которое оказывается возможным сгладить только политически, механизмами государственной регуляции и вне рыночного перераспределения ресурсов [11]. Более того, реальные механизмы функционирования властесобственности в западных обществах, когда крупные собственники контролируют политические элиты, мейнстримом тщательно скрываются: "мало представителей академических социальных наук делают попытки их раскрытия, а уж для экономистов эта тематика вообще табу. Эти механизмы всегда связаны с коллективной делиберацией влиятельных акторов этого порядка. Делиберации эти в большинстве случаев сохраняются в секрете. Тех же, кто пытается получить доступ к ним и проанализировать их, часто обвиняют в приверженности теории заговоров, конспирологии" [5, с. 15].

В настоящее время достигнутые пределы глобального рынка закономерно приводят конкурирующих субъектов к попыткам пересмотра механизмов контроля собственности и долей этого рынка, которые все чаще связаны с политическим и военным влиянием, торговыми войнами и протекционизмом. Соперничество все чаще выходит за пределы *чистой экономической конкуренции на саморегулируемых рынках* в условиях достижения географических, демографических и технологических резервов их роста, ранее казавшихся *вечными*.

Новую глобальную экономическую и политическую ситуацию уже невозможно убедительно осмыслить в рамках мейнстрима, который ставит в центр своих объяснительных и идеологических моделей бесконечно растущий конкурентный рынок, который повсеместно отходит из ядра на периферию общественных взаимодействий с целью извлечения и распределения ресурсов. В дискурсе западного мейнстрима укрепляющийся рентный социальный порядок может быть осмыслен только в виде социокультурных травм, архаизирующих отклонений, патологий или болезни, которые надо *исправить* или *вылечить*. Тут можно провести аналогию с игравшим в СССР сходную функцию дискурсом *пережитков* или *анахронизмов прошлого*. Показательна эволюция этого дискурса. Вначале пережитками объясняли все различия между *правильными* советскими институтами и реальностью, так как сам по себе экономический базис советского строя не мог породить имеющих место негативных явлений. Поэтому они объяснялись традицией, культурой, остатками устаревшего сословного мышления и т.д. Со временем оказалось, что советский строй и сам по себе порождает ряд негативных явлений, потому что в нем объективно существуют отношения неравенства, начальники и подчиненные, преступность, тяжелый труд и сопутствующие ему элементы эксплуатации и отчуждения, то есть нечто роднящее его с капиталистическими обществами. В

результате наиболее соблазнительным историческим решением стал отказ от наличного несовершенного социализма в пользу представлявшегося гораздо более совершенным капитализма и легитимирующих его научных и идеологических парадигм.

В отличие от советского дискурса *пережитков прошлого*, у современного обществоведческого мейнстрима пока отсутствует соблазнительная *правильная* альтернатива. Но даже ее появление вряд ли решит задачу критического пересмотра мейнстримом собственных оснований, что равносильно поражению; наверняка эти основания будут пересмотрены извне. Очевидно, что западный либерально-рыночный мейнстрим не может выйти за пределы породившей его социальной онтологии буржуазного общества, которое в период своего становления тоже было объектом морального негодования со стороны разрушающегося Старого порядка и стоящих за ним социальных сил. Соответственно экономический и политический мейнстрим на нормативном уровне ассоциируют рентную ориентацию общества либо со считающимися *архаичными институтами прошлого (земельная рента аристократии)*, либо описывают как *патологию* характерную для *неофеодалных и неопатримониальных обществ, естественных государств* и иных *периферий современности*. Стремительно устаревающий дискурс прогресса, во многом исходивший из исторического господства Запада и бесконечного расширения рынков, предполагал, что одни общества уже имеют некие универсальные ценности и институты, которые необходимо взрастить в других. Таким образом, военная, политическая и экономическая гегемония оправдывается задачами прогрессорства, которое сто лет назад открыто называлось процессом цивилизации варваров. На уровне политической мысли формулируются транзитологические рецепты, призванные *спасти* демократию и рынок: переориентировать государство, экономику и элиты *отсталых обществ* – по отношению к которым понятия демократии, капитализма и рынка употребляются только с негативными прилагательными (авторитарный, олигархический, фасадный, ограниченный, управляемый, нелиберальный, неопатримониальный и т.п.) – с поиска и распределения ренты на *институты развития*, связанные со *свободным рынком*.

Однако на фоне истощения рыночных механизмов развития все чаще обнаруживается, что феномен ренты никогда и никуда не исчезал, по-прежнему занимая центральную позицию в политэкономии капитализма: и как конечная мотивация рыночных и политических субъектов, и как способ капитализации / распределения доступных ресурсов. Политэкономия капитализма потратила немало идеологических усилий, чтобы показать несправедливость и пагубность ренты с природных ресурсов, прежде всего с земли, принадлежащей аристократии, в сравнении с трудом и капиталом, лежащими в основе конкурентных рынков. Природная рента как архаичная в моральном отношении, а также недостойная в своем нетрудовом и неконкурентном характере, была дифференцирована от новой ренты с капитала в виде прибыли в основании нового экономического порядка капитализма. Однако, несмотря на все рассуждения о прогрессивном конкурентном основании новой ренты/прибыли, превратностях и опасностях, поджидающих на этом пути и овеванных протестантской этикой буржуа-предпринимателей, а также о благах, которые даются рабочим в качестве *свободных и мобильных наемных работников* в отличие от закрепощенных крестьян, рентные механизмы приращения власти и собственности сохраняются.

Более того, ресурсы власти, труда, капитала, интеллекта можно рассмотреть как частные случаи ренты, а рентоориентированное поведение как нормальное и универсальное для всех людей и во все времена. Рента реализуется как возможность агента распоряжаться любыми ресурсами и благами, в том числе нематериальными. Это позволяет избавиться от сомнительных морализаций по поводу конкретных способов получения ресурсов и видов их распределения, например, в виде риторики *недостойного правления*, дохода *паразитического класса*, разделения *хорошей и плохой* ренты и т.д.

Исторически первоначальная модель *узкой модерности* (П. Вагнер) была связана с расширением политических прав тех граждан, чьи ресурсные возможности опирались на наличие собственности. Это право на неприкосновенность частной собственности, свобода слова, независимость суда, из-

бирательные права и т.д. Дальнейшее расширение политического класса в проекте Модерна значительным образом обусловлено трансформацией понятия собственности, которое, начиная с трудов Локка и заканчивая работами Маркса, стало интерпретироваться как основанное на труде. Соответственно, труд начал превращаться в более универсальный и возвышающий феномен, порождающий стоимость, двигающий прогресс и лежащий в самой основе частной собственности. В результате обширные социальные группы, чьим ресурсом являлась только способность к труду, получили фундаментальное идеологическое основание для доступа к политическим правам в дальнейшем дополнительно подкрепленное их статусом налогоплательщиков.

Однако *общество труда* оказалось исторически недолговечным, а статус налогоплательщика перестал гарантировать, что гражданин отдает конкретному обществу больше, чем получает от него. Любой субъект труда стремится к максимально полной коммодификации своих усилий, к предельной капитализации результатов своего труда при постоянном сокращении времени и интенсивности трудовых усилий. Более того, конечные рентные цели предпринимателей и капиталистов, если отбросить легитимирующую их частный интерес риторику свободы, самовыражения и риска, являются точно такими же, как у людей труда. Разница лишь в том, что рента извлекается из разных ресурсов, либо из способности большинства к труду, либо из наличия собственности, власти, технологий, капитала. В последнем случае рентоориентированное поведение связано с попытками выхода из рискованного состояния конкуренции (политической и экономической), в которой можно потерять все активы, к устойчивой конструкции *рентного процента* с достигнутого социального статуса или должности; или капитализации стартапа, производства уникального продукта и т.п.

Вменяемая трудовым людям *христианская этика* или *коммунистическая сознательность* в подобном утилитарном контексте являются не более чем внеэкономическим способом принуждения, связанным с деполитизацией права на достойную жизнь и снижением стоимости труда со стороны государства, собственников производств и властвующих элит [15]. Процессы коммодификации труда достигли предела и одновременно стало обнаруживаться, что в современных обществах в оплате труда начинает резко расти скрытая доля ренты, статистически выражаемая в том, что за равных труд как в разных регионах одной страны, так и в разных странах люди получают оплату труда, дифференцированную в разы и даже на порядки [9]. Последнее опровергает гипотезу о *саморегулируемых* и *выравнивающих* стоимость труда глобальных рынках, но гораздо убедительнее объясняется гипотезой о политической, географической, природной и иных видах рент, которую получают разные социальные группы и политические сообщества, которым посчастливилось родиться или переехать в общества центра мироэкономики.

Россия и мир сползают к более устойчивому и равновесному рентно-словному обществу в ситуации медленного упадка свободных рынков, обеспечивавших экономический рост и некую долю прибыли этого роста для большинства в течение последних 200 лет. Рынок порождает неравенство, но он же дает ресурсы для выравнивания, пока растет. Однако рыночное общество, обнаружив исторические пределы ресурсного роста, становится все более неравновесным и неравным, когда население и его запросы растут, а привычные способы их удовлетворения с помощью рынка перестают действовать. Привилегированные и статусные социальные группы имеют все больше возможностей перераспределять плоды роста глобального и национального ВВП и совокупный общественный продукт в свою пользу, подтверждая взаимосвязь усиления неравенства и минимизации государственного регулирования рынков [12]. Последние легко превращаются в инструмент ползучей приватизации общественных ресурсов ключевыми субъектами рынков, устанавливающими правила игры.

Иерархическое подчинение труда и капитала более универсальному понятию ренты, а также переосмысление их политических проекций позволяет увидеть, что фактически все обществоведы говорят об одном – о доступе к ограниченным ресурсам, их распределении (институты) и легитимации подобного распределения в виде той или иной версии стратификации/собственности (идеология). И неважно, идет ли речь о языке искусства, культуры, экономи-

ки, политики, истории. В рентной политической перспективе граждан и социальные группы можно рассматривать как рациональных субъектов, которые выбирают механизм наиболее приемлемого для большинства распределения ренты, накапливаемой в конкретной социальной группе, политическом сообществе, государстве. Статусное право на ренту и/или ее определенный уровень обуславливается преимущественно принадлежностью человека к определенному сословию, классу, социальной группе, а не способностью к труду или предпринимательству. Подобная социальная оптика всё точнее описывает реальность нынешних политико-экономических порядков и принципов их стратификации, чем идеологическое конструирование рынка и демократии, а также рабочего, среднего, креативного, предпринимательского и иных социальных классов, которые *должны* в качестве *обязательных* социальных феноменов, подтверждать нашу *современность*. Последняя выступает в качестве обобщающей нормы, лежащей в основании легитимности общественного порядка.

Представляется, что в публичном дискурсе назрела необходимость в открытом признании и продуктивном обсуждении доминирующего рентно-сословного характера современного общества и порождаемого им типа властно-общественных отношений. Это могло бы стать исходным пунктом как более релевантных описаний, учитывающих специфику *ядра* подобного общества, так и *программы* желательных последующих изменений в интересах ключевых социальных групп и общего движения к социальному порядку *элитарного рентного доступа*, отвечающего базовым жизненным интересам большинства населения. В сущности, дорогу в этом направлении и начинают нащупывать правые и левые популисты с их перераспределительной риторикой, которая различается зачастую лишь оттенками в критериях доступа к той или иной доле гражданской ренты.

Глобальный рентный поворот наиболее радикально проявлен в обществах, находящихся на полупериферии и периферии капиталистической мир-системы. В них интенсивность исторического развёртывания капитализма и коммодификации всех общественных сфер никогда не достигали своих высших значений. В то же время общественные противоречия и неравенства, исторически вызываемые капитализмом, не получали в них достаточной культурной, экономической и политической *компенсации*, а тем более полного разрешения, представляя постоянно тлеющий вызов капиталистической современности и сосуществуя параллельно с рыночными регулятивными механизмами. Поэтому закономерно, что историческое исчерпание экспансии и ресурсов рыночных обменов ведет к неизбежной трансформации модели общественного бытия в пользу альтернативных источников ресурсов и механизмов их распределения. Собственно эти рентные ресурсные источники, механизмы и способы их легитимации никогда полностью и не вытеснялись из общественной жизни. В подобном контексте современная Россия как полупериферийная держава представляет собой релевантный пример рентной трансформации рынка и демократии, последовательно вытесняемых на периферию социальной регуляции жизни общества [8].

Делегитимация категориального аппарата мейнстрима в контексте рентного поворота

Необходимость постоянного контекстуального уточнения ключевых понятий мейнстрима свидетельствует, что эти понятия все менее релевантны и легитимны при описании современных обществ. Большинство обществ описывает себя как демократические и рыночные, но столь же повсеместны и нарастающие проблемы с исчерпанной идеологией свободных рынков, сменяемой неомеркантилизмом, и специфической моделью элитарной демократии. Множащиеся изъяны рыночно-демократической социальной онтологии уже не позволяют выстраивать глобальные иерархии западной гегемонии через *понятия с прилагательными*, аналогичные затруднения возникают с формированием и продвижением сомнительных рейтингов свободы, демократии, коррупции, экономической устойчивости и т.п., которые ранжируют общества, как правило, на основе невнятных методологических оснований, субъективных мнений и оценок экспертов, а часто обусловлены и прямыми задачами выстраивания глобальных приоритетов влияния и идеологического доми-

нирования: "формируется даже особое "рейтинговое мышление", основанное на безоговорочном доверии к сравнительным индексам как удобным, признанным и достоверным инструментам изучения и интерпретации не только экономической, но и социально-политической реальности. В рамках такого мышления, к примеру, политологи становятся своего рода "бухгалтерами от науки", сконцентрированными на выявлении статистических закономерностей в массивах различных числовых переменных, которые генерируют разнообразными институты и организации, расположенные в нескольких западных странах" [6, с. 38].

Между тем ценностные координаты базового либерального консенсуса размываются, публичное пространство современных обществ становится гибридным и ситуативным, политические стратегии универсализации проигрывают локальным этикам добродетели, ориентированным на конкретные корпорации, сословия или *грады*, следуя терминологии Л. Болтански и Л. Тевено [1]. Ценностные различия политических партий и экономических классов становятся все менее контрастными сквозь призму устаревающих модерных идеологий индустриального общества. В условиях системного распада мейнстрима наблюдается поиск оснований новых коллективных рациональностей, практик и моральных принципов, которые призваны выражать изменение социальных запросов и самой структуры общества.

Транслируемые неолиберальными элитами теории универсальной рыночной *модернизации*, *транзита* и *открытого доступа* к возможностям *плоского мира* (Т. Фридман) выступают в виде попыток убрать конфликтное классовое, страновое и национальное содержание из исследовательского дискурса и политики, оставив лишь экономический детерминизм, неоправданно претендующий на объяснение всеобщих закономерностей. Эти теории существуют не для того, чтобы *понять* общества, в отношении которых они применяются, но с тем, чтобы выстроить глобальные ценностно-институциональные иерархии, в которых общества-гегемоны выступают в качестве *целевого образца* для всех остальных.

Неолиберальная экономическая теория последовательно исключала классическую политэкономия, анализирующую реальное влияние внеэкономических, политических факторов на экономику. В результате мейнстримная экономическая теория утрачивает целостные и универсальные представления о социальной реальности, частью которой являющиеся экономические отношения, заменив ее на редукционистские математические модели [4]. Рента и рентные отношения по возможности исключаются из описаний механизмов экономического воспроизводства современных обществ, как угрожающие подрыву гегемонии правящего класса, основанной на риторике саморегуляции свободных рынков, справедливости конкуренции, доступных *возможностях для всех* и принципе формального правового равенства субъектов экономического взаимодействия. Более того, на периферию оттесняются исследование разных видов политического регулирования рынков и конкуренции; внеэкономическое принуждение к труду, вплоть до откровенного рабства; исследования причин колоссальных разрывов в оплате равного труда в разных обществах; проблематика неоплачиваемого или низкооплачиваемого труда женщин и детей, которая вытесняется из экономики в области антропологии или *гендерных исследований* и т.д. Неолиберальный экономический дискурс был некритично перенесен и на описания политических порядков демократии в виде ключевых метафор политического рынка, на котором конфликтно взаимодействуют политические элиты, партии и избиратели.

Однако продолжающаяся с середины 1970-х годов стагнация реальных трудовых доходов большинства населения развитых стран приводит к массовому разочарованию, так как возможности рынка и элитарной демократии для повышения уровня жизни западных граждан де-факто исчерпаны. В частности, медианные трудовые доходы занятых в экономике США не растут с конца 1970-х [17]. В результате понятие ренты превратилось в *слепое пятно* экономической теории; в феномен, описываемый в контексте современности как анахронизм. Всё очевидней становится сконструированность *естественного* политико-экономического порядка современных обществ, основанного только на законах труда, капитала и рынка. И это происходит на фоне кризиса общества труда, исключения людей из всех технологических цепочек

материального производства товаров. В области сервиса человеческий труд остается более востребованным, именно туда вытесняется часть трудящихся из сферы материального производства. При этом экономика услуг демонстрирует неразрывную связь отношений производства и продажи с отношениями людей между собой. В силу этого услуги гораздо хуже описываются в категориях труда и капитала или теорий рационального выбора. Трудовые отношения здесь более зависимы от категорий господства и подчинения, разных видов личной зависимости и т.д. В то же время на периферии экономики остаются в силе и никуда не исчезают *старые* отношения подобного рода. Рента – одна из архаизирующих метафор, оказывающихся более адекватными при описании усиления такого рода экономических отношений. Можно отметить, что *архаизация* лишь ярлык, наследие западной разновидности дискурса *пережитков прошлого*, призванного скорей обходить актуальные проблемы, чем решать их. И *архаика* далеко не всегда оказывается тем, что должно остаться в прошлом – скорей, это недопонятая часть *современных* порядков, *лишний винтик*, после исчезновения которого часы некоторое время еще идут, но потом останавливаются. Таким образом, в результате нарастающих дисфункций рынков и пределов их роста то, что ранее казалось плодами *честной работы* труда и капитала, обнаруживает следы разного рода политико-административного и силового регулирования. Актуальные тенденции глобальной эволюции капитализма, рынка и демократии свидетельствуют об усилении их рентных оснований.

Заключение

Категориальный аппарат общественных наук, сформированный под влиянием западной гегемонии, метафоры рынка и идеи бесконечного роста капитализма, все менее соответствует новой социальной онтологии. Набирающие силу рентно-сословные трансформации современных обществ позволяют в обозримой перспективе отказаться от описания большинства современных обществ, и в том числе России, как отклонения от идеального типа демократии – демократии *управляемой, ограниченной, заблокированной, суверенной, авторитарной, незавершенной, дефективной, фасадной, "демократуры"* и пр. И, соответственно, от не менее патологичных моделей экономического порядка как *капитализма с прилагательными – государственного, олигархического, оффшорного, корпоративного, компрадорского, сырьевого, экстрактивного* и пр. разновидностей. Вместе с тем возникает возможность рассмотреть как, *почему, с помощью каких механизмов и в чью пользу исторически меняется иерархия распределения ресурсов на глобальном, национальном, классовом и иных социальных уровнях и измерениях.*

В подобном прагматическом контексте альтернативные рыночные, демократические, либеральные теории *должного общества* сразу же обнаруживают неустраиваемый заряд *прогрессорства и идеологических морализаций в контексте западноцентричной модели философии истории.* Представляется, что в будущем будет усиливаться релевантность описания современных обществ, исходящая из признания господства в них дистрибутивных ресурсных обменов, контролируемых преимущественно государством. В социальной структуре рентного общества будет повышаться ценность нерыночных групп, значимых с точки зрения интересов государства (чиновники, силовики, бюджетники и т.д.). Будет расти и значение новых групп, занятых производством разного рода *услуг*, завязанных на отношениях между людьми, которые не сводятся полностью ни к отношениям на рынке, ни к контролируемому государством распределению ресурсов. Наконец, уже в настоящее время активно совершенствуются популистские политические риторики, направленные на обоснование локальных сословно-корпоративных добродетелей в противовес универсальной морали *большого общества.* Эти добродетели становятся поводом для привилегирования, эксклюзивного рентного доступа к общественным ресурсам для отдельных социальных групп в виде *капитализации* полученных ими реальных или воображаемых исторических и социокультурных травм, а также основанием для отказа в рентном доступе другим группам (мигрантам, негражданам, безработным, самозанятым и т.д.).

Литература

1. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение. 2013. 576 с.
2. Дзарасов Р. "Великая стагнация" и кризис Европы [Электронный ресурс]. URL: <http://freconomy.ru/tribuna/velikaya-stagnatsiya-i-krizis-evropy.html> (дата обращения 20.02.2020).
3. Есть ли будущее у капитализма?: сб. ст. / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун. М.: Изд-во Ин-та им. Гайдара. 2015. 320 с.
4. Ефимов В. М. Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2014. Т. 14. Вып. 2. С. 5–51.
5. Ефимов В. М. О двух типах социальных порядков. Часть 1 // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1. С. 7–25.
6. Иванов В. Г., Иванова М. Г. "Charts power" – страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы. Часть I // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2015. № 2. С. 36–51.
7. Мартьянов В. С. Проблема легитимации прогрессора как условие политической гегемонии // Дискурс-Пи. 2014. № 1. С. 103–112.
8. Мартьянов В. С. Рентно-сословная трансформация российского общества // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2016. № 5. С. 106–124.
9. Миланович Б. Глобальное неравенство: новый подход для эпохи глобализации. М.: Изд. Инст. Гайдара. 2017. 333 с.
10. Миллс Р. Властвующая элита. М.: Издательство иностранной литературы. 1959. 545 с.
11. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: АД Маргинем Пресс. 2015. 592 с.
12. Полтерович В. Неправильный капитализм [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4110128> (дата обращения 20.02.2020).
13. Руденко В. Н. Популистский концепт защиты прав человека в условиях кризиса согласительных политических систем // Антиномии. 2019. № 4. С. 138–155.
14. Фишман Л. Г., Мартьянов В. С., Давыдов Д. А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Изд. дом ВШЭ. 2019. 416 с.
15. Фишман Л. Г. Профессионалы морали: от риторики бесценного к политическому самознанию // Антиномии. 2019. Т. 19. № 1. С. 49–66.
16. Чанг Х.-Д. Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и секретная история капитализма. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 256 с.
17. Employed full time: Median usual weekly real earnings: Wage and salary workers: 16 years and over [Электронный ресурс]. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/LES1252881600Q> (дата обращения 20.02.2020).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Boltanski L., Teveno L. Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Oчерki sotsiologii gradov. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. 576 s.
2. Dzarasov R. "Velikaya stagnatsiya" i krizis Evropy [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://freconomy.ru/tribuna/velikaya-stagnatsiya-i-krizis-evropy.html> (data obrashheniya 20.02.2020).
3. Est' li budushhee u kapitalizma?: sb. st. / I. Vallerstajn, R. Kollinz, M. Mann, G. Derlug'yan, K. Kalkhun. M.: Izd-vo In-ta im. Gajdara. 2015. 320 s.
4. Efimov V. M. Kak kapitalizm, universitet i matematika sformirovali magistral'noe napravlenie ehkonomicheskoy distsipliny // Nauchnyj ezhegodnik IFiP UrO RAN. 2014. T. 14. Vyp. 2. S. 5–51.
5. Efimov V. M. O dvukh tipakh sotsial'nykh poryadkov. CHast' 1 // Voprosy teoreticheskoy ehkonomiki. 2018. № 1. S. 7–25.
6. Ivanov V. G., Ivanova M. G. "Charts power" – stranovye rejtingi kak ehkonomicheskoe oruzhie i instrument myagkoj sily. CHast' I // Vestnik RUDN. Ser.: Politologiya. 2015. № 2. S. 36–51.
7. Mart'yanov V. S. Problema legitimatsii progressora kak uslovie politicheskoy gegemonii // Diskurs-Pi. 2014. № 1. S. 103–112.
8. Mart'yanov V. S. Rentno-soslovnaya transformatsiya rossijskogo obshhestva // Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture. 2016. № 5. S. 106–124.
9. Milanovich B. Global'noe neravenstvo: novyj podkhod dlya ehpokhi globalizatsii. M.: Izd. Inst. Gajdara. 2017. 333 s.
10. Mills R. Vlastvuyushhaya ehлита. M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. 1959. 545 s.
11. Piketti T. Kapital v XXI veke. M.: AD Marginem Press. 2015. 592 s.
12. Polterovich V. Nepravil'nyj kapitalizm [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4110128> (data obrashheniya 20.02.2020).

13. Rudenko V. N. Populistskij kontsept zashhity prav cheloveka v usloviyakh krizisa soglasitel'nykh politicheskikh sistem // Antinomii. 2019. № 4. S. 138–155.
14. Fishman L. G., Mart'yanov V. S., Davydov D. A. Rentnoe obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii. M.: Izd. dom VSHEh. 2019. 416 s.
15. Fishman L. G. Professionalny morali: ot ritoriki bestsennogo k politicheskomu samosoznaniyu // Antinomii. 2019. T. 19. № 1. S. 49–66.
16. CHang Kh.-D. Zlye samarityane. Mif o svobodnoj trgovle i sekretnaya istoriya kapitalizma. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2018. 256 s.
17. Employed full time: Median usual weekly real earnings: Wage and salary workers: 16 years and over [Elektronnyj resurs]. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/LES1252881600Q> (data obrashheniya 20.02.2020).

Мартьянов В. С. Понятийный кризис западного мейнстрима.

Мейнстрим социально-политических наук, описывающий современные общества в базовых категориях демократии, капитализма и модерна, испытывает умножающиеся вызовы. Последние обусловлены изменением глобальной онтологии современного человечества, которая все хуже укладывается в прокрустово ложе модели саморегулируемого рынка и сопутствующих ей морально-политических иерархий вне экономического поля. Количество и глубина всевозможных отклонений существующих политических порядков от идеалов мейнстримных теорий, в том числе самих западных обществ, считавшихся образцовыми, уже не позволяет обходиться описанием глобальной современности с помощью бинарных оппозиций, выстроенных по принципу норма/отклонение. Мейнстрим как совокупность простых рыночных метафор и их прямых переносов в область политики все чаще обнаруживает слепые пятна, двойные стандарты и нерелевантность в отношении расширяющейся нерыночной и недемократической онтологии современных обществ.

Ключевые слова: *мейнстрим, легитимация, двойные стандарты, политический порядок, иерархия ценностей, демократия с прилагательными, властесобственность, рентное общество, рента, рентоориентированное поведение, социальная онтология*

Martianov V. S. The Western Mainstream Crisis.

The mainstream of socio-political sciences, which describes contemporary societies in the basic categories of democracy, capitalism and modernity, is experiencing increasing challenges. The latter are due to a change in the global ontology of mankind today, which can hardly be included in the Procrustean bed of the model of a self-regulating market and the accompanying moral and political hierarchies outside the economic field. The number and depth of all possible deviations of the existing political orders from the ideals of mainstream theories, including Western societies themselves, which were considered exemplary, no longer allows describing global modernity with the help of binary oppositions based on the norm / deviation principle. The mainstream as a combination of simple market metaphors and their direct transfer to the field of politics increasingly reveals blind spots, double standards and irrelevance in relation to the expanding non-market and undemocratic ontology of contemporary societies.

Key words: *mainstream, legitimization, double standards, political order, hierarchy of values, democracy with adjectives, power-ownership, rental society, rent, rent-seeking behavior, social ontology*

Для цитирования: Мартьянов В. С. Понятийный кризис западного мейнстрима // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 19–31. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/19-31

For citation: Martianov V. S. The Western Mainstream Crisis // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 19–31. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/19-31

